

A stylized graphic of a building in shades of blue and green. The building has a modern, angular design with several windows represented by small squares. The text 'ДИНА РУБИНА' is overlaid on the upper part of the building.

ДИНА РУБИНА

МАЙН ПИДЖАК
ИН ВАЙСЕ КЛЕТКА...

Дина Ильинична Рубина

Майн пиджак ин вайсе клетка...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163756

Эксмо;

ISBN 978-5-04-148422-4

Аннотация

«В ранней юности (а прошла она в Ташкенте, городе, по многим причинам особом, и когда-нибудь я об этом напишу), варясь в крепком бульоне, настоящем на ста четырех национальностях, я была глубоко убеждена, что чувства, реакции и этические послы всех на свете людей соответствуют более или менее единому образу...»

Дина Рубина

«Майн пиджак ин вайсе клетка...»

В ранней юности (а прошла она в Ташкенте, городе, по многим причинам особом, и когда-нибудь я об этом напишу), варясь в крепком бульоне, настоянном на ста четырех национальностях, я была глубоко убеждена, что чувства, реакции и этические послы всех на свете людей соответствуют более или менее единому образу. Сейчас я понимаю, что Ташкент был уменьшенной моделью того самого плавильного котла, о котором так тоскуют американские, европейские, да и израильские социологи.

Кстати, до последнего времени я была уверена, что ташкентская модель оказалась наиболее удачной, потому что... да бог знает – почему! Возможно, потому, что речь идет о моих детстве и юности. Вообще своей «ташкентскости», иначе говоря – провинциальности я перестала стесняться совсем недавно, постепенно осознавая и даже любовно (потому, что запоздало) культивируя в себе теплую поэзию землячества.

Итак, под ташкентским солнцем я была – все мы, дети, были – некой однородной смесью, некой глиной, из которой формовался человек... я бы назвала его – «человек

колониальный». И это была, осмелюсь утверждать, особая южно-пестрая порода свободно жестикулирующих, а вследствие этого и до известной степени свободномыслящих людей. Я училась в обычном классе обычной ташкентской средней школы. Он был ковчегообразен: несколько греков с именами героев Гомера, кореец Гамлет и кореянка Лира, татарин Альберт Хабибулин, армянин Варган по кличке Ара, четыре украинца – Петренко, Балясный, Покойный и Жучок, немец Саша Миллер, семь или восемь узбеков, несколько более или менее русских мальчиков и девочек и целый отряд евреев, вернее, два отряда, потому что местные, бухарские, евреи с ашкеназами не кооперировались. Так вот, дело не в том, что все мы дружно жили (жили по-разному), а в том, что стычки и разборки, неизбежные в детстве и отрочестве, национальный вопрос оставляли где-то на окраине сознания.

Не то чтобы совсем его не было. А просто было много чего другого поважнее. В том числе много чего общего.

Необходимо помнить, что в те годы, запертые в обширной, но все же клетке Советского Союза, мы были лишены возможности сравнивать. Впрочем, у меня был мимолетный и забавный опыт общения с двумя молодыми французами.

После окончания первого курса консерватории мы с моей подругой поехали на каникулы в Ленинград, что само по себе явилось для нас довольно крепким культурным нокаутом. Однажды утром мы оказались на Центральном телегра-

фе, откуда обычно звонили домой. Уже собираясь уходить, обратили внимание на двух молодых людей, растерянно стоящих перед стендом с марками.

Это были семидесятые годы, когда по улицам Ленинграда расхаживали в затертых джинсах прозападно настроенные девушки со странно выстриженными затылками и чубами, и юноши с невиданными (у нас в Ташкенте) хвостами на головах и серьгами в ушах.

И вдруг тут, на Центральном телеграфе, явно разговаривая по-французски, стоят двое молодых людей, по виду очень похожих на ташкентских мальчиков из интеллигентных еврейских семей. Один был брюнетом, другой – веснушчато-рыжим, в скромных клетчатых ковбойках и темных брюках. Моя подруга учила французский и могла связать на нем несколько предложений. Мы подошли, она предложила помочь, мальчики ужасно обрадовались, и с полчаса мы довольно мило объяснялись по поводу коллекции советских марок (один из них, кажется, марки собирал). Наконец французы расплатились, мы вышли из здания Центрального телеграфа и еще минут двадцать вместе шли по Невскому, пока не расстались. Я-то учила немецкий, и брюнет немного по-немецки говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.